

Андрей Константинов

Решальщики

Книга вторая

РАСКРУТКА

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К65

Серия «Мастера криминальной прозы»
Оформление обложки: *Юлия Межова*

Андрей Константинов
при участии Игоря Шушарина
и Александра Новикова

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Константинов, Андрей Дмитриевич

К65 Решальщики. Книга вторая. Раскрутка / Андрей Константинов.— Москва: АСТ, 2015.— 445, [2] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-088630-2

Раскрывая резонансные преступления, «решальщики» встают перед серьезной дилеммой: в чем же все-таки призвание профессионального сыщика, пускай даже и на вольных хлебах? Вершить справедливость, посадить преступников в тюрьму или просто распутывать чужие интриги?

Каждый находит свой ответ.

Подписано в печать 31.10.14.
Формат 70 x 90 1/32. Усл. печ. л. 16,38.
Тираж 4000. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Константинов, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

*повествующая о том, что жизнь в провинции
бьет разводным ключом; о разговорчивом киллере,
полусветской львице,
а также наглядно демонстрирующая,
что и в тихом министерском омуте черти водятся*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...А ведь и в самом деле: где, как не на улице с немецким названием, размещать консульства Германии и Австрии? Кстати сказать, само слово «фурштат»¹ в разговорной речи немцев давно и прочно вышло из обихода. Но вот в Питере — поди ж ты, прижилось. Хотя, конечно, язык не то чтобы сломаешь, но подвывернешь точно.

Однако примечательна улица Фуриштатская не только (и не столько) наличием на оной чужеземных консульств. Именно здесь расположены такие стратегически важные для петербуржцев присутственные места, как Дворец бракосочетаний № 2 и Дворец торжественной регистрации рождений «Малютка». Потому-то в любое время дня и года в

---

¹ *Fuhrstaat* (здесь: *Fuhre* — воз, повозка + *Staat* — государство) — устаревший армейский термин, обозначающий фуражный обоз конной артиллерии (нем.).

этих краях завсегда — ленивой прогулкой ли, спешным проходом ли — встретишь красивые, улыбающиеся, счастливые лица; наткнешься на рассыпанные по тротуару крупу и мелочь; обогнешь хаотично расставленные пустые бутылки из-под шампанского.

Словом, улица эта словно специально создана для Жизни и Радости.

И уж всяко не для убийства по найму, которое должно случиться здесь буквально с минуты на минуту. Если, конечно, потенциальная жертва по каким-то причинам не отступит от устоявшегося, стороной нападения тщательно изученного распорядка дня.

*Санкт-Петербург,
21 июня 2011 года, вт.*

...Директор охранного предприятия «Квадрига» Владислав Червень вышел из подъезда в 10:36. Отставание от повседневного графика на шесть минут в данном случае представлялось не критичным — и для него самого, и для киллера. Скорее наоборот — эти шесть минут оказались для Червеня своего рода дополнительным жизненным бонусом. Аккурат по две минуты на брата от трех плетущих свои нити старух-мойр. Э-эх, еще бы знать о том подарке заранее! Как говорится: и за эти шесть минут можно сделать очень много.

Чуть меньше часа назад киллер, а в переводе на великий и могучий — «душегуб», оборудовал свой наблюдательный пункт на одной из скамеек, щедро расставленных по осевой, превращенной в пешеходную дорожку, полосе. И вот теперь, увидев объект, он испустил громкий выдох — происхождения не нервического, а скорее облегченного. Предстоящая ликвидация в карьере мастера по убоям числилась далеко не первой, так что особого мандража он сейчас не испытывал. Другое дело, что непривычно щедрое по питерским меркам июньское солнышко с самого утра припекало, из-за чего облаченный в «маскарадный костюм» киллер изрядно взопрел. Особое неудобство ему доставляли насквозь промокший от пота парик и разбухшие, как губка от воды, бутафорские усы.

Владислав же, на ходу закуривая, перешел на противоположную сторону Фурштатской и направился к своему чернявенькому «ауди». Припаркованному, как обычно, с вывороченными влево колесами — чтоб в случае чего не смогли затащить на эвакуатор. Выдержав паузу, душегуб поднялся со скамейки, потянулся, расправляя онемевшие мышцы, и, соблюдая дистанцию, пристроился следом.

Брезгливо смахнув на асфальт рекламку интимуслуг, оставленную на крыше «ауди» неведомым спамером, Червень загрузился в раскалившийся салон, выставил комфортный климат-контроль и, будучи по жизни заядлым

меломаном, взялся сканировать эфир в поисках достойной музычки.

В этот момент в оконце водительской двери вежливо постучали.

Владислав приспустил стекло и неприязненно зыркнул на изогнувшегося вопросительным знаком лохматого усача:

— Чего нужно?

— Слышь, командир! Улица Курочная — в какую сторону?

— Наверное, Кирочная? — механически поправил Червень.

И это филологическое замечание стало последним осмысленным действием в его жизни.

В руке «усача» неведь каким образом возник пистолет с длиннющим, словно бы распухшим на конце стволом, который уперся Владиславу в переносицу — аккурат в тонкую позолоченную дужку дико дорогих солнцезащитных очков Ray Ban Aviator, месяц назад привезенных ему Машей из Эмиратов.

Червень даже не успел испугаться. Разве что подивиться такой вот борзой бесцеремонности уличных коробейников, назойливо впаривающих водителям всякое ширпотребное дерьмо — от рекламок блядских услуг до стилизованных под пистолеты пьезо-зажигалок...

Дважды глухо и отнюдь не «пьезо» кашлянул ствол.

Да еще его приглушила «Road to hell» в тревожно-сиплом исполнении Криса Ри, за не-

сколько секунд до того пророчески выуженная из полифонического разнообразия Fm-диапазона теперь уже покойным Червенем. Как следствие — мельтешившие окрест случайные прохожие не услышали ровным счетом ничего. Да что прохожие — даже чутко реагирующие на всякого рода человеческие подставы голуби, и те не вздрогнули.

В отличие от своих киношных аватаров киллер орудие убийства не сбросил, а по-хозяйски рачительно спрятал, одним неуловимым движением угнездив оное в кожаные петли, пришитые с внутренней стороны летней куртки. После чего — сперва неторопливо, а затем все более и более ускоряясь, зашагал в сторону «Чернышевской». Выворачивая на проспект, он мазнул взглядом зачalenную в конце пешеходной зоны лохматую, изрядно погрызенную молью-временем «шестерку» и, припомнив, что срисовал ее еще по пути сюда, подумал: «А ведь есть в этой тачиле что-то напряжное?» Однако времени на анализ «что именно?» не было категорически: ведомый внутренним навигатором, он оставил ее слева по борту и нырнул в стремнину людского потока, движущегося в направлении станции метро...

Слегка забегаая вперед, расскажем, что лишь несколько дней спустя, плотно и надолго пребывая в четырех стенах одиночной камеры изолятора внутреннего содержания, киллер — к тому

времени идентифицированный как Дружников Сергей Антонович, 1971 года рождения, — понял, что именно с той тачкой было не так: все стекла пенсионера отечественного автопрома были слишком густо тонированы. И одна только стоимость пленки серьезно превышала текущую рыночную стоимость самого «железа»...

* * *

Филёр из Александра Валерьевича Грибкова был, нежно выражаясь, никудышный. Поэтому два из трех основных правил ведения слежки — «держаться как можно ближе к объекту наблюдения» и «вести себя совершенно естественно» — игнорировались им напрочь. Ну да и то неплохо, что его неведение в части правила третьего — «не смотреть объекту в глаза» — компенсировалось профессиональным компьютерных дел мастеров заболеванием: при всем желании на такой дистанции классический очкарик толком не срисовал бы и общего выражения лица объекта. Чего уж там говорить про глаза!

Все надежды Грибкова в данную минуту возлагались на то, что через оставшиеся тридцать—сорок метров убийца зашагнет в павильон станции метро. Коли уж тот предпочел уносить ноги не на колёсах (что поначалу читалось как единственно правильное), а на своих двоих — лучшего места затеряться не придумаешь. Ну а там, в вестибюле,

в районе турникетов, обязательно должны тусоваться менты. Те, которые гонят служебный план и имеют личный гешефт на проверке штампов о временной регистрации у залетных смуглокожих брюнетов. Правда, совсем не факт, что вечно сонные дети подземелья в погонах окажутся способны на оперативное реагирование с предполагаемым силовым задержанием. Ну да выбирать все равно было не из чего — сколь пристально Грибков ни всматривался, сколь ни крутил башкой на 270 градусов, иных служителей порядка окрест не наблюдалось.

«Вот уроды! — злился он.— Среди бела дня в самом центре города людей валят, а им — хоть хрен на фуражке теши! М-да... Что милиция, что полиция — те же яйца, только вид 3D!»

Всё же не зря пессимисты определяют надежду как крайнюю степень отчаяния: отделившись от толпы спешащих спуститься под землю граждан, убийца продолжил движение в сторону Кировочной. Вот тут Александр Валерьевич запаниковал, поскольку в его планы совсем не входило длительное пешее преследование профессионального, судя по легкости проделанной работы, киллера. Хорошо еще, что, будучи знакомым с повадками убийц исключительно по телесериалам, Грибков пребывал в иллюзорной уверенности, что орудие убийства преступник скинул на месте преступления и сейчас был хотя и «очень опасен», но по крайней мере не «вооружен».

В противном случае филёр-самоучка не взялся бы его сопроводить даже и до метро.

Грибков перевозбудился настолько, что у него вспотели очки и, простите за такую интимную подробность, яйца. Так как со вторым в столь людной местности поделаться было ничего нельзя, он секунд на пять притормозил и протер носовым платком хотя бы стекла. Но когда вновь водрузил очки на нос, киллера в поле зрения уже не было. Тут бы ему и возрадоваться: «Кто спрятался — я не виноват», — но, пока мозг лихорадочно шелкал процессором, ноги на автопилоте вывели тело на угол дома. Осторожно выглянув за который, Александр Валерьевич обнаружил потерянный было объект наблюдения мирно и законопослушно стоящим у пешеходной зебры в ожидании зелёного. В данном случае «законопослушность» объяснялась — о чудо! — стоящей на якоре буквально в парочке метров от перехода гибэдэдэшной машиной с двумя персонажами анекдотов внутри. И это был ОН! Не шанец, но — ШАНС!

Короткими приставными шажками Грибков приблизился к транспорту гайцов со стороны пассажирской дверцы и, чуть ли не целиком зачихнув голову в салон (благо опущенное стекло позволяло), отчаянно зашептал-зачастил:

— Там убийца! Пять минут назад он застрелил человека! Честное слово! Я сам... своими глазами видел!..

Словно бы спинным мозгом почуяв неладное, Дружников обернулся и цепко просканировал подсобравшийся за спиной народ, задержавшись на раскоряченной фигуре мужика, эмоционально спорящего с гаишниками. Но тут как раз, заверещав, включился обратный отсчет пешеходного таймера, и душегуб вступил на первую из двенадцати порядком истертых пешеходных полосок.

Вторая. Третья. Четвертая...

— Молодой человек! — зычно ухнуло позади властное.

Вздрогнув, киллер втянул голову в плечи и невольно сбился с нарочито уверенного шага. Несмотря на то что и справа, и слева, и спереди двигалось еще с пяток граждан мужеского полу, внешне подходивших под обращение «молодой человек», он интуитивно догадался: сие недоброе горловое пение посвящается персонально ему. И как-то сразу сделалось у него на душе (да-да, у душегубов, представьте себе, тоже есть душа!) кисло-капустно.

— Молодой человек! Я к вам обращаюсь!

Дружников с усилием совершил полуоборотное движение и уперся взглядом в выбравшегося из машины гибэдэдэшного сержанта.

— Да-да, именно! Можно вас на минуточку?! — Сержант заученным жестом взмахнул волшебной палочкой, указывая в какое именно место следует вернуться и прижаться к обочине. Одновременно

из салона выкатился его напарник с габаритами мини-шварценеггера. Душегубу окончательно сделалось кислее кислого.

Продолжавший верещать таймер ускорил темпоритм, предупреждая о завершении времени пешеходного перехода. Засмердев выхлопами, зафыркали-заурчали готовящиеся сорваться с места в карьер моторы.

И это снова был ОН! Не шанец, но — ШАНС!
На этот раз — для душегуба.

Дождавшись, когда особо нетерпеливые водилы начнут движение, Дружников рванул в противоположную от гаишников сторону, каким-то чудом умудряясь проскальзывать сквозь мгновением позже стартовавшие остальные машины. Саундтреком к его отчаянному спурту на проезжую часть обрушилась какофония звуков, густо замешанная на реве клаксонов, визге тормозов и истерично громяющему: «СТОЙ! СТОЯТЬ, СУКА! ЗАСТРЕЛЮ НА ХЕР!!!»

Беглецу оставалось не более полутора метров до спасительного тротуара, как вдруг боковым зрением он сфотографировал невесть откуда вырвавшуюся и несущуюся на него тараном маршrutку.

Вот теперь стало действительно смертельно (гайцы до того в скученной обстановке стремились стрелять), Дружников попытался отпрыгнуть. Но толчковая нога неожиданно поехала (Уж не обошлось ли и тут без дурехи-Аннушки, вечно

разливающей масло?), и вместо прыжка получился лишь неловкий разворот спиной. В которую и врезалась отчаянно тормозящая маршрутка.

Душегуба подбросило: удар был столь силен, что, перевернувшись несколько раз в воздухе, он успел потерять сознание еще до того, как его итогово-шумно припечатало об асфальт.

Хорошо хоть не головой. Хоть здесь повезло...

* * *

— Тебе сказали «стоять», а не «бежать»! Разницу улавливаешь, придурок?

— Успокойся! Он все равно тебя не слышит! — бросил напарнику «мини-шварценеггер». Присев на корточки, он, безо всякой деликатности, за волосы приподнял ушедшую в бессознанку голову беглеца и развернул разбитую в кровь физиономию, предъявляя на опознание белому как мел Грибкову. — Точно он? Или плюс-минус два диоптрия?

— Да... Это... это он стрелял.

— Ну, смотри. Ежели чего — отвечать вместе. Оп-па! — Гаишник всмотрелся в неподвижное тело, сунул руку под полу его куртки и осторожно, двумя пальцами, извлек ствол с обмотанной скотчем рукояткой.

Толпа зевак восхищенно и слаженно ахнула, а Александр Валерьевич, что тот хамелеон, изменил цвет мела на цвет савана.